

Ранние историософские работы Дж. Мадзини: трудности перевода и интерпретации

Вуколов Александр Алексеевич,

аспирант, младший научный сотрудник

сектора философии российской истории Института философии РАН,

Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

ORCID: 0009-0004-9481-9689

alex.a.vukolov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются трудности и нюансы перевода на русский язык двух ранних текстов итальянского мыслителя Джузеппе Мадзини (1805–1872): статьи «О европейской литературе» (1829) и открытого анонимного письма королю Сардинии Карлу Альберту (1831). Автор анализирует различные варианты перевода имеющихся «проблемных» мест, а также приводит возможные интерпретации этих историософских сочинений, обосновывающие то или иное переводческое решение. Первая часть исследования посвящена вопросу о значении слова «una» в заглавии статьи «О европейской литературе» («D'una Letteratura Europea»). Проследив историю «гётевского» эпитафия к этой работе Мадзини и рассмотрев само ее содержание, автор приходит к выводу о том, что в данном случае una может являться как числительным со значением «единая» (в нравственном отношении), так и неопределенным артиклем, который указывает на неполную определенность и гипотетичность понятия «европейская литература». Во второй части статьи интерпретируется характеристика Un Italiano, присутствующая в начале послания Карлу Альберту. Автор показывает, что она может быть применима и к сардинскому монарху, призываемому возглавить «единую, свободную и независимую» итальянскую нацию, и к самому Мадзини, который уже пользовался подписью «Итальянец» в нескольких своих предыдущих работах. Кроме того, обсуждается, какие практические цели мог преследовать Мадзини, распространяя данное письмо среди итальянцев летом 1831 года. По мнению автора, подобный параллелизм разных, но равноправных трактовок вслед за П. Рикёром стоит считать «не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации».

Ключевые слова: Дж. Мадзини, философия истории (историософия), перевод, интерпретация, нация, европейская литература, И.В. Гёте, Карл Альберт, объединение Италии (Рисорджименто), интеллектуальная история.

G. Mazzini's Early Works on Philosophy of History: Challenges of Translation and Interpretation

Aleksandr Vukolov,

Postgraduate, Junior Research Fellow

Department of the Philosophy of Russian History

Institute of Philosophy, RAS,

12, bld. 1, Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-9481-9689

alex.a.vukolov@gmail.com

Abstract

This article focuses on some challenges and nuances of translating two early texts by the Italian thinker Giuseppe Mazzini (1805–1872) into Russian: the article *Of a European Literature* (1829) and open anonymous letter to King Charles Albert of Sardinia (1831). The author analyzes different translations for the existing ambiguous units and also presents possible interpretations of these works on philosophy of history, justifying each translation decision. The paper's first part explores the meaning of the word "una" in the title of the article *Of a European Literature* (*D'una Letteratura Europea*). Tracing the history of the "Goethean" epigraph to this Mazzini's writing and examining its content, the author comes to the following conclusion. In this case, "una" can be perceived as either a numeral meaning "united" (in a moral sense) or an indefinite article, which indicates the unspecified and hypothetical nature of the concept of European literature. The article's second part covers interpretations of the characteristic "Un Italiano" found at the beginning of the letter to Charles Albert. As the author shows, it can be applicable both to the Sardinian monarch, who is called to head a "united, free, and independent" Italian nation, and to Mazzini himself, who had already used the signature "An Italian" in several of his previous works. Furthermore, this part discusses the practical goals Mazzini may have had when distributing this letter among Italians in the summer of 1831. In the author's opinion, following P. Ricœur, such parallelism of different but equally relevant interpretations should be viewed as "not a drawback or vice, but a virtue of understanding, which forms the essence of interpretation."

Keywords: G. Mazzini, philosophy of history, translation, interpretation, nation, European literature, J.W. Goethe, Charles Albert of Sardinia, unification of Italy (Risorgimento), intellectual history.

Библиографическое описание для цитирования:

Вуколов А.А. Ранние историософские работы Дж. Мадзини: трудности перевода и интерпретации // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 2. – С. 448–467. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-448-467.

Vukolov A. G. Mazzini's Early Works on Philosophy of History: Challenges of Translation and Interpretation. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 2, pp. 448–467. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-448-467.

Введение

Выдающемуся итальянскому мыслителю и революционеру Джузеппе Мадзини (1805–1872) была свойственна яркая, образная манера письма, и поэтому перед каждым исследователем, работающим с его текстами, неизменно встает целый ряд непростых задач: начиная с расшифровки запутанных иносказательных пассажей и заканчивая объяснением встречающихся отклонений от «общей картины» политико-философского учения Мадзини. Прибегая к терминологии, представленной в книге Э. Бетти «Общая теория интерпретации» (1955) [17, с. 87–88], следует отметить, что подобные проблемы характерны не только для «распознающей» интерпретации сочинений Мадзини, ориентированной на «понимание смысла», – они также осложняют и «репродуктивную» («репрезентативную») интерпретацию, которую осуществляют переводчики для передачи этого смысла иноязычным читателям. Иногда трудности, возникающие при переводе текстов Мадзини, оказываются настолько существенными, что могут приводить к принятию разными специалистами разных переводческих решений.

В рамках данного исследования мы сконцентрируемся на двух показательных случаях, когда невозможность однозначного истолкования мысли Мадзини обуславливается не столько витиеватостью авторского стиля, сколько причинами лексико-грамматического и даже пунктуационного характера. Речь, в частности, пойдет о знаковых ранних работах итальянского философа: о статье «О европейской литературе» (1829) [23] и письме сардинскому королю Карлу Альберту (1831) [22] – и о тех трудностях и нюансах их перевода на русский язык, на которые указал в своей монографии «Джузеппе Мадзини: молодые годы» (2009) [2] историк И.Е. Андронов. Наряду с решениями, предложенными И.Е. Андроновым, в статье будут рассмотрены альтернативные варианты перевода имеющихся «проблемных» мест, а также показаны возможные интерпретации этих историко-философских произведений Мадзини, обосновывающие тот или иной переводческий выбор.

Статья «О европейской литературе» (1829). Что означает «una»?

В годы учебы в Генуэзском университете (1822–1827) Дж. Мадзини страстно увлекается философией, классической и современной литературой. Он решает посвятить себя литературной критике и вступает в дискуссию, которая шла в то время между итальянскими классицистами и романтиками, принимая сторону вторых. В «Автобиографических заметках» (1861) Мадзини вспоминает об этом так: «В 1827 году гремели ожесточенные споры между *классицистами* и *романтиками*, между старыми поборни-

ками литературного деспотизма, истоки которого они обнаруживали более двух тысяч лет тому назад, и людьми, которые, ведомые собственным вдохновением, стремились из-под него высвободиться. Мы, молодые, все были романтиками» [10, с. 339]. В 1829 году, ведя «бой с теми, кого звали монархистами от литературы» [10, с. 345], он пишет обстоятельную статью «О европейской литературе» («D'una Letteratura Europea»), которая была опубликована в ноябрьском (107-м) и декабрьском (108-м) номерах влиятельного флорентийского журнала «Antologia». На русском языке данная работа вышла в переводе В.В. Бибихина в составе подготовленного им сборника избранных статей Мадзини¹ «Эстетика и критика» (1976) [13].

Собственно, главная лингвистическая загадка статьи «D'una Letteratura Europea», вызывающая интерес как с исследовательской, так и с переводческой точки зрения, кроется в самом ее названии, а точнее – в слове «una», которое осталось не переведенным В.В. Бибихиным. Чем же является и что означает здесь это слово? Возможно ли передать его значение в русском переводе данного заглавия и как это сделать оптимальным образом? Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо рассмотреть макроконтекст, окружающий эту короткую, но загадочную языковую единицу, т. е. текст работы итальянского публициста в целом.

Начать анализ стоит с довольно любопытного суждения И.В. Гёте, которое Мадзини выбрал в качестве эпиграфа к своей статье: «Я предвижу (в переводе И.Е. Андропова – «различаю» [2, с. 214]. – А. В.) зарю европейской литературы; ни один из народов не сможет назвать ее только своей, все внесут свой вклад в ее создание» [13, с. 95] (оригинальный текст на итальянском: «Io intravedo l'aurora d'una Letteratura Europea: nessuno fra i popoli potrà dirla propria; tutti avranno contribuito a fondarla» [23, p. 177]). На самом деле в данном эпиграфе немецкий поэт цитируется не напрямую. В.В. Бибихин предполагал, что Мадзини «передает здесь смысл нескольких известных высказываний Гёте» о европейской и мировой литературе, которые содержатся в ряде его поздних сочинений, начиная с рецензии «Le Tasse. Drame historique en cinq actes par M. Alexandre Duval» [15, с. 444] («Тассо. Историческая драма в пяти актах господина Александра Дюваля») (1827). Остановимся на этой работе более подробно, поскольку именно она послужила идейным первоисточником приведенного эпиграфа [29, p. 110], а обращение к ее истории, в свою очередь, позволяет увидеть, как изначальный тезис Гёте обрел у Мадзини новую форму.

История рецензии «Le Tasse», в которой Гёте впервые употребил понятие «мировая литература» («Weltliteratur»), детально описана в статье литературоведа В.А. Аветисяна «Гёте и французская литературная критика

¹ Сам В.В. Бибихин отдавал предпочтение исторически первому варианту транслитерации на русский язык фамилии Mazzini – «Маццини».

начала XIX века: диалог культур» (1999) [1, с. 131–135]. Так, в 1826 году на сцене Комеди Франсез была поставлена драма «Тассо», написанная А. Дювалем по мотивам знаменитой гётевской пьесы «Торквато Тассо» (1790). Парижские журналы «Journal du commerce» и «Le Globe» опубликовали на эту постановку рецензии – на них и откликнулся Гёте в своем журнале «Über Kunst und Altertum» («Искусство и древность») статьей «Le Tasse», высказав убеждение, что «сейчас уже создается всеобщая мировая литература, в которой нам, немцам, предназначена почетная роль» [5, с. 568]. Затем эту культурную переключку продолжил все тот же «Le Globe», чья редакционная политика, к слову, была вполне сообразна с гётевским видением мировой литературы. В 91-м номере от 1 ноября 1827 года была напечатана передовая статья, включавшая в себя перевод публикации о литературе Швеции из лондонского журнала «The Foreign Quarterly Review». Переводной текст предварялся небольшим комментарием редакции, который начинался следующим образом: «Гёте в последнем номере выпускаемого им периодического сборника объявил немцам, что он различает зарю западной, или европейской, литературы, каковая не будет являться собственностью ни одного народа, но в которую каждый народ внесет свой вклад» (цит. по: [1, с. 132]) (оригинальный текст на французском: «Goethe, dans le dernier numéro du recueil périodique qu'il publie, annonce aux Allemands qu'il entrevoit l'aurore d'une littérature occidentale ou européenne, qui n'appartiendra en propre à aucun peuple, mais à laquelle chaque peuple aura contribué pour sa part» [30, p. 481]).

Итак, эпитафия к работе «О европейской литературе» оказывается практически полностью идентичным придаточной части данного предложения из передовицы «Le Globe». Хорошо владевший французским языком и глубоко погруженный в литературный процесс своего времени, Мадзини, конечно же, был читателем прогрессивного парижского журнала (который распространялся и в Италии [18, с. 91]), откуда и позаимствовал формулировку для эпитафии, немного видоизменив ее и приписав непосредственно Гёте. Примечательно и то, как именно Мадзини ее отредактировал: дословно переведя нужную часть на родной язык, он, однако, выпустил прилагательное «западная» («occidentale»), что, скорее всего, было сделано не случайно. Вернемся к этому интересному нюансу после рассмотрения историософской концепции европейской литературы, которую Мадзини излагает в своей статье.

В самом ее начале Мадзини, объясняя, что побудило его взяться за такое исследование, размышляет о гении – и тем самым продолжает важную для его творчества тему, поднятую за полгода до этого в рецензии на «Фауста» [12], ставшей первым итальянским откликом на великую поэму Гёте. Гений – это пророк: ему доступны «тайны вселенной», «законы, управля-

ющие жизнью народов», видение будущего [13, с. 95]. Однако, признает Мадзини, сколь бы проницательными ни были слова гения, современники могут остаться к ним равнодушными. Так, например, случилось с Дж. Вико, идеи которого не были по достоинству оценены при его жизни и лишь теперь оказались в центре внимания образованной публики. Упомянув имя неаполитанского философа, Мадзини отражает одну из примет своего времени: еще в начале XIX столетия к «Основаниям новой науки» Вико стали обращаться многие итальянские (в особенности неаполитанские и ломбардские) интеллектуалы [27], а общеевропейское «открытие» Вико произошло в 1827 году, после выхода в свет французского перевода-пересказа его *magnum opus*, выполненного историком Ж. Мишле [2, с. 49–50, 62–65]. Между тем в том же году Гёте написал о своем предчувствии зарождения всемирной литературы. Мадзини, видя, что «по всей Европе кипит дух, бурлит жажда литературных преобразований, обличая бесплодность старых норм и недостаточность древних образцов» [13, с. 96], находит это пророчество Гёте гениальным² и в своей статье собирается показать, как и почему возможно становление европейской литературы.

В основе рассуждений Мадзини лежит представление, которое он выразил в своей первой публицистической работе «О любви Данте к Отчеству» (1826) [14] и которое не раз прозвучит в его будущих литературно-эстетических и политико-философских трудах: литература непременно должна быть полезной в гражданско-политическом и нравственном отношениях, нацеленной на благо нации – в противном случае она представляет собой не более чем «праздную и расслабляющую души забаву», развлечение для власть имущих или напрасное интеллектуальное упражнение [13, с. 96, 98]. Мадзини утверждает, что характер литературы того или иного народа не является заданным раз и навсегда, не детерминирован природно-климатическими особенностями страны. Он зависит исключительно от существующих гражданских и политических институтов, которые сковывают либо же, напротив, раскрепощают человеческую мысль: потому литература деспотичного Востока – аллегорична, единообразной Швейцарии – утилитарна, экономически процветающей Англии – исторична и описательна [13, с. 101–103].

Но подобное влияние далеко не абсолютно. Мадзини пишет, что со временем, когда национальная культура становится достаточно богатой и развитой, «на обломках слепой веры постепенно возрастает могучее общественное мнение», способное противостоять быломu всесилию государ-

² Подобное восприятие немецкого поэта было и у итальянских литераторов Дж. Скальвини (1791–1843), К. Угони (1784–1855) и Дж. Арривабене (1787–1881). Будучи карбонариями яacobинских взглядов, все трое с 1824 года по политическим причинам жили в Париже, где им вместо «старого автора» «Страданий юного Вертера» открылся «новый Гёте» – автор «Фауста» и провозвестник «мировой литературы» [29, р. 105–109].

ства и ускорять “ход цивилизации” [13, с. 106]. В этот момент у литературы появляется совершенно новая историческая роль: отныне писатели не просто фиксируют окружающую действительность – они являются выразителями потребностей своих сограждан и проводниками назревших социальных изменений. Мадзини убежден, что человечество постоянно стремится к сближению³. Нации более не желают существовать отдельно – и литературе, преодолевшей свою зависимость от общественных учреждений, надлежит направлять эту прогрессивную тенденцию, всячески способствовать ее претворению в жизнь.

В доказательство своего тезиса Мадзини разворачивает «краткий очерк истории европейской цивилизации». Описывая ее начальный этап – «героическое время», итальянский мыслитель приходит к важному историософскому наблюдению: «Полное отсутствие культуры и ее высшая степень совпадают в том, что не знают национальной замкнутости» [13, с. 107]. Вся человеческая история, протянувшаяся между двумя этими экстремумами, характеризуется утратой изначального единения, нарастанием неравенства и различий между народами. Это происходило вследствие установления их правителями разных общественных институтов, что соответствующим образом сказывалось и на характере их литератур в сменявшие друг друга исторические эпохи. Однако с 1790-х годов в Европе начались глубинные трансформации, позволяющие надеяться на обретение нового культурного единства. Начало этим процессам положили Французская революция, связавшая европейцев «энтузиазмом и согласием принципов», и последовавшие за ней Наполеоновские войны, по завершении которых «две трети Европы уже имели за плечами десять лет жизни в одинаковых условиях, в подчинении одинаковым законам и правительствам» [13, с. 122–123], а нации поняли, что любые конфликты приносят выгоду лишь их правителям, тогда как сами народы вполне могут жить в братстве и любви.

Таким образом, констатирует Мадзини, в XIX веке появилось подлинное «европейское движение». Чтобы не потерять своей значимости, литература также «должна сделаться *европейской*», следуя за тремя лучшими поэтами современности: Байроном, Гёте и Монти, которые «вдохновлялись шедеврами всех наций, равно улавливали прекрасное, где бы оно ни сияло, равно наполняли свою поэзию вселенской гармонией» [13, с. 123–124]. Благодаря их творчеству повсеместно возрос интерес к иностранным языкам и литературе, путешествиям и новостям из других стран – словом, произошло значительное сближение культур разных народов Европы. Призыв присоединиться к европейскому движению раздается с еще большей

³ В.В. Библихин указывал, что данная идея возникла у Мадзини под влиянием Данте [15, с. 444].

силой, когда ближе к концу статьи Мадзини обращается к своим соотечественникам. По его мнению, Италия сможет вновь добиться литературной славы, если современные итальянские авторы отринут национальные предрассудки, изучат творчество великих европейских писателей и примут их, «граждан земного шара», как своих «братьев»; и тогда, уверен Мадзини, новая итальянская литература, воспевая «всеобщие чувства, вечные истины», непременно «станет голосом вселенной» [13, с. 126–128].

Таковым было понимание Мадзини «гётевских» провидческих слов о европейской литературе, взятых им для эпиграфа из журнала «Le Globe». Почему же итальянский публицист решил отказаться от прилагательного «западная», присутствовавшего в исходном французском тексте? По всей видимости, он посчитал данное определение не вполне подходящим для своей историософской концепции⁴. В тексте статьи Мадзини употребляет категорию «Запад» всего лишь четырежды – в рамках «краткого очерка истории европейской цивилизации» (параграфы VIII–XIII). В первый раз Запад упоминается, когда речь идет о возвышении Рима и упадке Греции [13, с. 109]; во все последующие – когда нужно было обозначить противоборство Запада и Востока: во время римской экспансии [13, с. 110, 113] и с началом первого крестового похода [13, с. 116]. Гораздо более значимым для философии истории Мадзини является разделение Европы на Юг и Север. Впервые эти два полюса столкнулись друг с другом, когда «народы северных стран, подстегиваемые жаждой новизны и мечтой о лучших землях, бесчисленными ордами выступали из своих пределов и устремлялись в полуденные страны» [13, с. 113], что в результате привело Рим к краху. С тех пор на протяжении многих столетий политическое и духовное противостояние Севера и Юга было для истории Европы определяющим. И только после победы над Наполеоном Бонапартом, сплотившей разные нации, стало возможным говорить о «европейском движении» – постепенном культурном объединении стран, которое, как уточняет Мадзини, охватывает «все пространство от Невы до Эбро» [13, с. 124], т. е. от российской реки на Севере⁵ Европы до испанской на Юге.

Теперь, учитывая весь макроконтекст, возвратимся к нашим первым исследовательским вопросам: что означает слово «ипа» в заголовке «D'una Letteratura Europea» и можно ли перевести его на русский язык? В сущности, ответы на них будут зависеть от того, к какой части речи мы отнесем данную языковую единицу. Как известно, не только в итальянском, но и

⁴ Любопытно, что Гёте в своей заметке «Внешние связи» (1828), написанной в ответ на упоминавшуюся выше передовицу парижского журнала, также не использует словосочетание «западная литература», вероятно считая такую трактовку понятия «Weltliteratur» некорректной [1, с. 133; 4, с. 566–567].

⁵ В некотором смысле Мадзини оказывается здесь созвучен концепции «русского северянства», которую в то время продолжали развивать интеллектуалы в России [6].

в немецком и французском языках неопределенный артикль полностью совпадает по форме с числительным «один» (и в мужском, и в женском роде), к которому он восходит исторически, поэтому различить их бывает отнюдь не просто. История межъязыковой миграции термина «мировая/европейская литература» как нельзя лучше это иллюстрирует. В рецензии «Le Tasse», немецком тексте-первоисточнике, Гёте сопроводил свое понятие «всеобщая мировая литература» словом «eine» – «eine allgemeine Weltliteratur» (cit. ex: [19, S. 17]); французский журналист «Le Globe» в статье о литературе Швеции преобразовал гётевскую «мировую литературу» в «западную, или европейскую», но сохранил то начальное слово в виде «une» – «une littérature occidentale ou européenne»; в свою очередь, у Мадзини французское «une» превратилось в итальянское «una» в эпитафии и, соответственно, в заглавии статьи: «una letteratura europea». Так в каком же качестве использовал «una» сам итальянский мыслитель?

И.Е. Андронов в своем исследовании отмечал, что, исходя из содержания статьи Мадзини, «слово una здесь следует воспринимать не как артикль, а как числительное с объединительным оттенком, сегодня чаще передаваемым словом *unica*», поэтому ее название было бы точнее перевести как «О единой европейской литературе» [2, с. 230–231]. Подобное значение – «единый в нравственном или политическом отношении» («*compatto moralmente o politicamente*») – зафиксировано в авторитетном словаре итальянского языка «*Triccani*», где в качестве примера подобного словоупотребления приводится отрывок из патриотической оды писателя А. Мандзони «Март 1821 года» (1821): «Una gente che libera tutta, / O fia serva tra l'Alpe ed il mare; / Una d'arme, di lingua, d'altare, / Di memorie, di sangue e di cor» [31] («Един народ, что всех освободит / Иль будет раб меж Альпами и морем; / Един его алтарь, язык и щит, / Един он сердцем, кровию и горем»; перевод автора – А. В.). Используя слово «una» в своей статье аналогичным образом, Мадзини дополнительно акцентирует, что начавшаяся интеграция национальных литератур в единую европейскую является прямым следствием сложившегося в Европе «согласия потребностей и стремлений, единства мысли, общности духа, ведущего нации по одним путям к одинаковой цели» [13, с. 123]. Это «согласие» Мадзини и называет тем самым «европейским движением» – словосочетанием, перед которым в оригинальном тексте, на что обратил внимание И.Е. Андронов [2, с. 227], также присутствует объединительное определение – «una tendenza Europea» [23, р. 215]. При этом итальянский мыслитель подчеркивает, что, говоря об этой европейской тенденции, он имеет в виду объединение народов сугубо в области культуры: «Политическая независимость и нравственное единство – вот что считаем мы вершиной цивилизации» [13, с. 126]. В контексте же единства политического Мадзини будет употреблять слово «una»

во многих своих дальнейших работах, посвященных формированию итальянской нации.

Вместе с тем нельзя исключать, что «*una*» в названии рассматриваемой публикации все же представляет собой неопределенный артикль, так как впоследствии к «цепочке» переводов понятия «европейская литература» добавилось еще одно «звено» – английское. Оно имеет особую важность, поскольку в этом языке неопределенный артикль («*a/an*») орфографически отличается от числительного «один» («*one*»), хотя этимологически тоже с ним связан и иногда бывает близок по смыслу – и потому при употреблении неопределенного артикля в английском тексте не может появиться то объединительное значение, о котором шла речь выше.

Итак, заключительным «звеном» стала англоязычная версия статьи Мадзини «О европейской литературе». Она была опубликована во втором томе шеститомного собрания его трудов «Жизнь и сочинения Джозефа Мадзини» («*Life and Writings of Joseph Mazzini*»), выпускавшегося в 1860-е годы в Лондоне, в котором итальянский мыслитель с некоторыми перерывами жил с января 1837 года. К тому времени свободно говоривший и писавший по-английски Мадзини принимал личное участие в подготовке данного издания. Весьма примечательно, что в нем, как в «Автобиографических заметках», в которых впервые упоминается название этой работы [25, р. 19], так и в самом ее переводном тексте [26, р. 4], перед словосочетанием «*European literature*» присутствует именно неопределенный артикль «*an*»⁶. Чем можно объяснить такой выбор?

Дело в том, что когда неопределенный артикль употребляется перед понятием «европейская литература» (и в английском, и в исходном итальянском тексте), то он, в соответствии со своей основной грамматической функцией, призван указать на существующую неопределенность содержания данного термина, его гипотетичность – ведь это в первую очередь пророчество, принадлежащее Гёте, а пророчество не обязано быть скрупулезно точным. Действительно, в своей работе Мадзини утверждает, что формирование европейской литературы уже началось и процесс этот необратим, однако неоднократно оговаривается, что данная тенденция еще не проявила себя в полной мере и рассуждать о конкретном облике складывающейся европейской литературы пока преждевременно. Так, в начале статьи итальянский публицист пишет: «...литература, о которой мы мечтаем, возникнет; когда, как – кто может это знать достоверно? <...> Ещё неясны формы, в которые эта литература облечет свои идеи, ибо сделанное до сих пор было скорее лишь первым опытом, чем результатом решительного и продуманного замысла» [13, с. 96].

⁶ В XIX веке перед словом «*European*» неопределенный артикль нередко ставился именно в форме «*an*», что для современного английского языка уже не характерно.

И в предпоследнем параграфе он риторически спрашивает вновь: «Но каковы будут формы европейской литературы? Каковы законы, нормы и принципы, которыми должен направляться желающий возвыситься до нее талант? – Не знаю» [13, с. 126].

Предполагает ли интерпретация «*una*» как неопределенного артикля, что русский перевод заглавия статьи Мадзини может быть уточнен? Поскольку артикль является безэквивалентной грамматической единицей [3, с. 20–21], при переводе его зачастую возможно опустить без значимых семантических потерь. Между тем неопределенный артикль в данном случае все-таки имеет скрытое контекстуальное значение, вербализировать которое, впрочем, будет не так легко. Такой перевод, как «О некоей европейской литературе», эксплицитно выражающий неполную определенность явления, в стилистическом плане выглядит шероховатым. Его альтернатива – «О будущей (грядущей) европейской литературе» – более соотносится с историософским содержанием самой работы Мадзини, нежели с неопределенным артиклем в ее заголовке. Чуть более удачной для названия кажется формулировка «О возможной европейской литературе», но она не вполне приложима к эпиграфу, где говорится о «заре европейской литературы» («*d'auroga d'una Letteratura Europea*»). Поэтому, пожалуй, оптимальным переводческим решением здесь представляется имеющийся вариант – «О европейской литературе», который хоть и не передает подразумеваемую гипотетичность понятия, но в целом не искажает смысла оригинального итальянского заглавия.

Письмо Карлу Альберту (1831). «Un Italiano» – адресат или адресант?

Историческая дистанция, разделяющая статью Дж. Мадзини «О европейской литературе» и его письмо сардинскому королю Карлу Альберту (1798–1849), составляет всего полтора года – однако на этот сравнительно недолгий промежуток времени пришлось драматичные события, которые кардинально изменили жизнь молодого генуэзского публициста.

В начале «Автобиографических заметок» Мадзини вспоминает апрель 1821 года: только что в Сардинском королевстве (Пьемонте) потерпела неудачу революция, и в Генуе⁷ оказалось множество разочарованных повстанцев, собиравшихся отбыть в Испанию, где революция⁸ еще продолжалась. Во время одной из воскресных прогулок Мадзини, его матери и другу семьи А. Гамбини повстречался суровый бородатый мужчина

⁷ По решению Венского конгресса (1814–1815) Генуя была отторгнута от Франции и включена в состав Сардинского королевства.

⁸ Имеется в виду испанская революция 1820–1823 годов, в историографии также известная как «Свободное трехлетие» («*Trienio Liberal*»).

с белым платком в руке – он подошел к ним и попросил немного денег «для изгнанников Италии». Как признается Мадзини, этот эпизод навеки запечатлелся в его памяти: тогда у него впервые возникла «мысль о том, что было *возможно*, а значит, необходимо сражаться за свободу Родины» [10, с. 336–337].

Многие из тех «изгнанников», конечно, были карбонариями – членами тайного общества, которое возникло в конце 1800-х годов на территории Неаполитанского королевства и затем распространилось по всей Италии [8, с. 14]. Карбонарии выступали за принятие конституции, значительное расширение гражданских и политических прав и свобод, а также национальную независимость; имелись среди них и ярые противники монархического устройства. Революционные изменения они намеревались осуществить путем государственного переворота, не опираясь при этом на широкие слои населения [8, с. 6–7]. После окончания университета Мадзини не только занялся литературной критикой, в которой, как писал историк Р. Сарти, он видел «способ участия в политике иными средствами» [28, р. 79], но и присоединился к этой заговорщической организации, вступив в ее генуэзскую ячейку – Высокую венту «Надежда» («La Speranza»). В ноябре 1830 года из-за предательства Р. Дорриа – человека, который был «проводником» Мадзини в мире карбонариев, – тайная полиция арестовала предполагаемых революционеров [2, с. 261–262]. Однако в ходе судебного разбирательства обнаружилось, что неопровержимые доказательства, которые подтверждали бы участие арестованных в нелегальной политической деятельности, отсутствуют. В результате Мадзини освободили из-под стражи, но эта «свобода» была весьма условной: указ короля Сардинии Карла Феликса запрещал ему находиться в прибрежных населенных пунктах, включая родной город Геную [2, с. 265–266]. В феврале 1831 года двадцатипятилетний Мадзини покидает Апеннинский полуостров и через некоторое время находит прибежище на юге Франции – в Марселе.

В апреле того же года Карл Феликс умирает, и трон наследует его двоюродный брат Карл Альберт. Это дало пьемонтцам повод для осторожного оптимизма. Дело в том, что во время революции 1821 года король Виктор Эммануил I отрекся от престола в пользу своего брата Карла Феликса, но последний пребывал тогда в Модене, и поэтому его регентом был назначен принц Карл Альберт. Молодой регент, в свою очередь, решился на довольно неожиданный шаг и пообещал повстанцам принять конституцию. Вскоре после этого возмущенный Карл Феликс отстранил кузена, при содействии австрийской армии подавил восстание и забрал власть в свои руки. Теперь же, спустя десятилетие, пьемонтская общественность надеялась, что в нынешних исторических обстоятельствах, когда известия о ре-

волюциях приходят с разных концов Европы⁹, Карл Альберт, возможно, вернется к вопросу о политических реформах в королевстве.

В июне – июле 1831 года в Пьемонте и других итальянских государствах получила хождение брошюра, представлявшая собой открытое анонимное письмо новому королю. Данное воззвание вышло из-под пера Мадзини – в «Автобиографических заметках» он даже называет его своим «первым политическим сочинением» [24, р. 47]. Впрочем, обращение к монарху для итальянского мыслителя было уже знакомым жанром. Двумя годами ранее по заданию великого магистра генуэзской венты Ф.А. Пассано он написал на французском языке памфлет «Об Испании в 1829 году, рассмотренной по отношению к Франции», в котором содержалась просьба к французскому королю Карлу X оказать военную помощь испанским революционерам. Некоторые фигуры речи из этой работы Мадзини перенес и в свое послание Карлу Альберту [2, с. 262, 268–270]. К чему же призывал сардинского правителя бывший карбонарий?

Мадзини начинает письмо с напоминания, что восшествие Карла Альберта на пьемонтский престол – событие совершенно неординарное в свете его роли в неудавшейся революции десятилетней давности: «Был момент, Ваше Величество, когда в Италии рабы смотрели на Вас как на своего освободителя... <...> Был и другой момент, когда матери проклинали Ваше имя, и тысячи людей называли Вас предателем, ибо Вы пожрали надежду и посеяли террор» [11, с. 325]. Особенным появление нового монарха выглядит и на фоне современной международно-политической обстановки в Европе. Противостояние народов и королей, обозначенное Мадзини в статье «О европейской литературе», обострилось до небывалого предела и в ближайшем будущем может перерасти в «войну на истребление»: «С обеих сторон – сила и непоколебимость цели; но короли сражаются, чтобы сохранить подкрепленные годами узурпации, а народы сражаются для того, чтобы отстоять свои естественные права. <...> Кабинеты не доверяют друг другу, а народы слепо друг в друга верят, поскольку первых понуждают к этому соображения выгоды, а вторых сплачивает симпатия» [11, с. 326].

По мнению Мадзини, в этих условиях Карлу Альберту предстоит сделать выбор между двумя способами правления: между террором и уступками. Но в долгосрочной перспективе и тот и другой путь неминуемо ведет в тупик: дальнейшее запугивание подданных лишь усилит народное сопротивление и обернется очередными кровавыми восстаниями, тогда как медленное реформирование потребует от короля неустанный и искус-

⁹ В течение 1830 года произошли июльская революция во Франции, революция в Бельгии и восстание в Польше. В конце 1830 – начале 1831 года начались восстания и в Центральной Италии: Папской области, Модене и Парме.

ного лавирования между потребностями аристократии и народа. Вместо того чтобы полагаться на практичных, но пассивных и вероломных людей, Мадзини предлагает Карлу Альберту прислушаться к настоящему «нерву общества» – это гений с присущими ему независимостью и способностью толковать природу; молодежь, которая в силу возраста полна чувств и «презирает смерть»; а также страдающий от нищеты плебс, бесчисленный и потому всемогущий [11, с. 329–330].

Эти три социальных элемента единодушны в своем желании добиться «свободы, независимости и единства», и в исполнении этого желания Мадзини усматривает для монарха третий, триумфальный путь [11, с. 330–331]. Отвергнув и террор, и уступки, объединив ныне разрозненных итальянцев под своим знаменем, Карл Альберт может стать «Наполеоном итальянской свободы» – первым в истории человечества королем, который перейдет на сторону народа и поможет ему сделаться полноправной нацией [11, с. 332–333]. Ради достижения этой великой цели Мадзини призывает Карла Альберта объявить войну Австрии и положить конец иностранному владычеству на Апеннингах. И в зависимости от того, каким будет его ответ на данный историософский призыв – в эпоху, когда «дело деспотизма в Европе погребло», – Карл Альберт останется в памяти будущих поколений «первым из людей или последним из итальянских тиранов» [11, с. 335].

Распространение этого патетического воззвания сардинский королевский двор расценил для себя как большую опасность. На ввоз брошюр с его текстом был установлен строжайший запрет, а его автора (несмотря на анонимность, многие в Пьемонте знали или догадывались, что им был Мадзини) приказали немедленно арестовать, если он попытается возвратиться на родину [20, р. X–XI].

Интерпретировать послание Мадзини, исходя из предположений о его прагматических намерениях, можно двояко. Во-первых, необходимо обратить внимание на слова, с которых оно начинается: «A Carlo Alberto di Savoia / Un Italiano» [22, р. 17]. Возникает вопрос: к кому относится здесь характеристика «Un Italiano» – к адресату или же к адресанту письма? Мнения исследователей на этот счет разнятся, поскольку остается неясным, какой знак препинания поставил после имени короля Сардинии сам Мадзини.

И.Е. Андронов перевел эти начальные слова как «Карлу Альберту Савойскому, / Итальянцу» [11, с. 324], поскольку на обложке брошюры под ними располагается еще и фраза «Se no, no!» [22, р. 15] («Если нет, так нет!»). Соответственно, Мадзини мог заранее причислить Карла Альберта к «итальянцам» (в данном случае неопределенный артикль «un» указывает на принадлежность к этому множеству – «один из»), основываясь на

его обещании конституции в марте 1821 г. и надеясь, что сейчас, в статусе короля, он отважится создать «единую, свободную и независимую» итальянскую нацию. Впрочем, Мадзини также допускает, что Карл Альберт снова не оправдает чаяний народа и, как прочие монархи, пойдет по пути «тирана».

Согласно другой точки зрения, «Un Italiano» в этом послании является подписью самого Мадзини – «Итальянец». Именно так он подписал несколько своих прошлых публицистических работ, в том числе статью «О европейской литературе» [15, с. 444]. Следовательно, открытое письмо Карлу Альберту было написано Мадзини от лица некоего («ип») «итальянца», будто бы пожелавшего не раскрывать свое настоящее имя, которое в действительности было хорошо известно его читателям. Кроме того, еще до Мадзини «итальянцами» обозначали себя и другие литературные критики, участвовавшие в споре между классицистами и романтиками [2, с. 321; 9, с. 194]. Подписываясь как «Un Italiano» в условиях политической раздробленности на Апеннинском полуострове, человек тем самым ярко заявлял о своей гражданской позиции – ведь, как подчеркивал Мадзини в ранее упоминавшейся первой статье о Данте, «отечество итальянца есть не Рим, Флоренция или Милан, но вся Италия» [14, с. 55]. Таким образом, к Карлу Альберту в письме обращался один из тех, кто осознает себя «итальянцем», побуждая пьемонтского короля войти в историю освободителем и объединителем его родины.

Во-вторых, нельзя определенно сказать и о том, какие именно цели преследовал Мадзини летом 1831 года, распространяя свое послание. С одной стороны, этим письмом он мог объявить, что итальянские патриоты, включая сторонников республики, поддержат любого правителя, готового освободить и объединить Италию военным путем [21, р. 5]. С другой – Мадзини, понимая, что Карл Альберт едва ли последует его призыву, хотел показать, что подобные надежды, равно как и мечты о либеральных реформах в Пьемонте, не стоит связывать с именем данного монарха. Это было нужно Мадзини для того, чтобы затем предложить итальянцам свою собственную политическую альтернативу – революционную республиканскую ассоциацию «Молодая Италия» [7, с. 62]. Более того, по прошествии тридцати лет Мадзини в «Автобиографических заметках», отвечая на упреки критиков, категорически отрицал, что когда-либо считал монархию способной «спасти Италию» [24, р. 44]. А в англоязычный вариант автобиографии он добавил текст своего предисловия к репринту письма Карлу Альберту 1847 года, в котором говорилось, что история этого обращения может послужить хорошим предостережением для итальянцев, увлеченных монархическими «иллюзиями» [25, р. 62–63].

Заключение

Оба рассмотренных нами текста представляют собой очень важные вехи в раннем творчестве Джузеппе Мадзини. Статья «О европейской литературе» явилась программной работой молодого генуэзского публициста, который сформулировал в ней, вдохновившись интуицией Гёте, историософскую концепцию становления европейской литературы – предтечу его будущего политико-философского проекта единой Европы. Открытое письмо сардинскому королю Карлу Альберту ознаменовало начало нового, политического пути Мадзини – пути революционера, интеллектуального лидера, «пророка» единой, независимой, свободной и республиканской Италии.

Роднит эти два текста и то, что при их переводе на русский язык неизбежно обнаруживается столкновение двух взаимоисключающих, но одинаково возможных интерпретаций. Как относиться к такому параллелизму разных и в то же время равноправных трактовок? В ответ на этот заключительный вопрос нашего исследования приведу цитату из лекции П. Рикёра «Герменевтика и метод социальных наук», прочитанной им в сентябре 1993 года в Институте философии РАН: «В действительности текст всегда есть нечто большее, чем линейная последовательность фраз; он представляет собой структурированную целостность, которая всегда может быть образована несколькими различными способами. В этом смысле множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации; здесь можно говорить о текстуальной полисемии точно так же, как говорят о лексической полисемии» [16, с. 53].

В самом деле, две разные интерпретации слова «ипа» в названии историософской статьи Мадзини всецело соответствуют двум признакам европейской литературы, указанным в «гётевском» эпиграфе и раскрываемым в тексте работы: европейская литература, безусловно, объединит все народы «от Невы до Эбро», но пока, на «зарю», можно увидеть лишь ее примерные очертания. Что же касается анонимного письма Карлу Альберту, то, благодаря «утрате» изначального знака препинания после имени монарха, даже спустя почти два столетия сохраняется тот ореол таинственности и двусмысленности, окружавший данное послание (для) «одного из итальянцев» летом 1831 года.

Литература

1. *Аветисян В.* Гёте и французская литературная критика начала XIX века: диалог культур // Вопросы литературы. – 1999. – № 6. – С. 129–165.
2. *Андронов И.Е.* Джузеппе Мадзини: молодые годы. – СПб.: Алетейя, 2009. – 360 с.

3. *Базылев В.Н.* Безэквивалентные грамматические единицы // Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / отв. ред. М.Б. Раденко. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 20–21.
4. *Гёте И.В.* О журнале французских романтиков «Le Globe» (1826–1828) / пер. с нем. Л. Копелева // Гёте И.-В. Об искусстве / сост., вступ. ст. и примеч. А.В. Гулыги. – М.: Искусство, 1975. – С. 558–567.
5. *Гёте И.В.* Общие размышления о мировой литературе (1827–1830) / пер. с нем. Л. Копелева // Гёте И.-В. Об искусстве / сост., вступ. ст. и примеч. А.В. Гулыги. – М.: Искусство, 1975. – С. 567–576.
6. *Кара-Мурза А.А.* У истоков «русского северянства»: споры о Ломоносове (первая треть XIX в.: Мерзляков, Грибоедов, Бестужев-Марлинский) // Полилог. – 2022. – Т. 6, № 2. – URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020592-3-1/> (дата обращения: 27.10.2025).
7. *Ковальская М.И.* Италия в борьбе за национальную независимость и единство (От революции 1831 г. к революции 1848–1849 гг.) / отв. ред. К.Ф. Миззиано. – М.: Наука, 1981. – 272 с.
8. *Ковальская М.И.* Итальянские карбонарии / отв. ред. К.Ф. Миззиано. – М.: Наука, 1977. – 112 с.
9. *Лозинская Е.В.* Диспут о романтической и классической поэзии в Италии в 1816–1820 гг. // Литературоведческий журнал. – 2018. – № 44. – С. 190–219.
10. *Мадзини Дж.* Автобиографические заметки. Первые страницы / пер. с итал. и коммент. И.Е. Андропова // Андронов И.Е. Джузеппе Мадзини: молодые годы. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 336–348.
11. *Мадзини Дж.* Открытое письмо королю Карлу Альберту / пер. с итал. и коммент. И.Е. Андропова // Андронов И.Е. Джузеппе Мадзини: молодые годы. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 324–335.
12. *Маццини Дж.* «Фауст», трагедия Гёте // Маццини Дж. Эстетика и критика. Избранные статьи / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Бибикина. – М.: Искусство, 1976. – С. 77–94.
13. *Маццини Дж.* О европейской литературе // Маццини Дж. Эстетика и критика. Избранные статьи / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Бибикина. – М.: Искусство, 1976. – С. 95–128.
14. *Маццини Дж.* О любви Данте к Отечеству // Маццини Дж. Эстетика и критика. Избранные статьи / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Бибикина. – М.: Искусство, 1976. – С. 45–58.
15. *Маццини Дж.* Эстетика и критика. Избранные статьи / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Бибикина. – М.: Искусство, 1976. – 479 с.
16. *Рикёр П.* Герменевтика и метод социальных наук // Поль Рикёр в Москве / науч. рук. проекта И.С. Вдовина. – М.: Канон+, 2013. – С. 49–61.
17. *Россиус Ю.Г.* О теории интерпретации Э. Бетти // История философии. – 2012. – № 17. – С. 83–89.
18. *Черепеникова М.С.* Гёте и итальянская литература XIX века. Феномен «обратной связи» // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2006. – № 1. – С. 84–96.

19. *Birus H. Goethes Idee der Weltliteratur: Eine historische Vergegenwärtigung // Birus H. Gesammelte Schriften. Band 3: Goethe-Studien. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2022. – S. 9–33.*
20. *Introduzione // Mazzini G. Scritti editi ed inediti. Vol. 2. – Imola: Cooperativa tipografico-editrice Paolo Galeati, 1907. – P. VII–XVIII.*
21. *Mack Smith D. Mazzini. – New Haven; London: Yale University Press, 1994. – 302 p.*
22. *Mazzini G. A Carlo Alberto di Savoia, Un Italiano // Mazzini G. Scritti editi ed inediti. Vol. 2. – Imola: Cooperativa tipografico-editrice Paolo Galeati, 1907. – P. 15–41.*
23. *Mazzini G. D'una Letteratura Europea // Mazzini G. Scritti editi ed inediti. Vol. 1. – Imola: Cooperativa tipografico-editrice Paolo Galeati, 1906. – P. 177–222.*
24. *Mazzini G. Note autobiografiche // Mazzini G. Scritti editi ed inediti. Vol. 77. – Imola: Cooperativa tipografico-editrice Paolo Galeati, 1938. – P. 3–397.*
25. *Mazzini J. Life and Writings of Joseph Mazzini. In 6 vol. Vol. 1: Autobiographical and Political. – London: Smith, Elder, & Co., 1890. – 378 p.*
26. *Mazzini J. Of An European Literature // Mazzini J. Life and Writings of Joseph Mazzini. In 6 vol. Vol. 2: Critical and Literary. – London: Smith, Elder, & Co., 1905. – P. 4–48.*
27. *Moravia S. Vichismo e ideologie nella filosofia italiana dell'età napoleonica // Moravia S. Filosofia e scienze umane nell'età dei lumi. – Firenze: Sansoni, 1982. – P. 307–354.*
28. *Sarti R. Giuseppe Mazzini and His Opponents // The Short Oxford History of Italy. Italy in the Nineteenth Century: 1796–1900 / ed. by J.A. Davis. – New York: Oxford University Press, 2000. – P. 74–107.*
29. *Sisto M. Italiani a Parigi tra radicalismo politico e Weltliteratur. Per una storia della prima traduzione italiana del Faust // «La densità meravigliosa del sapere». Cultura tedesca in Italia fra Settecento e Novecento / a cura di M. Pirro. – Milano: Ledizioni, 2018. – P. 99–122.*
30. *Suède. Littérature // Le Globe. – 1827. – T. 5, N 91. – P. 481–483.*
31. *Uno // Treccani. Vocabolario on line. – URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/uno/> (accessed: 27.10.2025).*

References

1. *Avetisyan V. Gete i frantsuzskaya literaturnaya kritika nachala XIX veka: dialog kul'tur [Goethe and the French literary criticism of the early 19th century: a dialogue of cultures]. *Voprosy literatury = Russian Studies in Literature*, 1999, no. 6, pp. 129–165. (In Russian).*
2. *Andronov I.E. *Dz'bzuzeppe Madzini: molodye gody* [Giuseppe Mazzini: early life]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2009. 360 p.*
3. *Bazylev V.N. Bezekvivalentnye grammaticheskie edinitsey [Non-equivalent grammatical units]. *Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyi opyt)*. [Basic concepts of translation studies (Russian experience)]. Terminological dictionary and reference. Moscow, INION RAN Publ., 2010, pp. 20–21.*

4. Goethe J.W. O zhurnale frantsuzskikh romantikov «Le Globe» (1826–1828) [On the French Romantic Journal *Le Globe* (1826–1828)]. Goethe J.W. *Ob iskusstve* [On Art]. Moscow, Iskusstvo Publ, 1975, pp. 558–567. (In Russian).
5. Goethe J.W. Obshchie razmyshleniya o mirovoi literature (1827–1830) [General reflections on world literature]. Goethe J.W. *Ob iskusstve* [On Art]. Moscow, Iskusstvo Publ, 1975, pp. 567–576. (In Russian).
6. Kara-Murza A.A. U istokov «russkogo severyanstva»: spory o Lomonosove (pervaya tret' XIX v.: Merzlyakov, Griboedov, Bestuzhev-Marlinskiĭ) [At the Origins of “Russian Northerness”: Disputes about Lomonosov (1st third of the 19th century: Merzlyakov, Griboedov, Bestuzhev-Marlinsky)]. *Polilog = Polylogos*, 2022, vol. 6, no. 2. Available at: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020592-3-1/> (accessed 27.10.2025).
7. Koval'skaya M.I. *Italiya v bor'be za natsional'nuyu nezavisimost' i edinstvo (Ot revolyutsii 1831 g. k revolyutsii 1848–1849 gg.)* [Italy in the struggle for national independence and unity (From the Revolution of 1831 to the Revolution of 1848–1849)]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 272 p.
8. Koval'skaya M.I. *Ital'yanskie karbonarii* [The Italian Carbonari]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 112 p.
9. Lozinskaya E.V. Disput o romanticheskoi i klassicheskoi poezii v Italii v 1816–1820 gg. [The dispute about the classical and the romantic poetry in Italy in 1816–1820]. *Literaturovedcheskii zhurnal = Literaturovedcheskii Journal*, 2018, no. 44, pp. 190–219.
10. Mazzini G. Avtobiograficheskie zametki. Pervye stranitsy [Autobiographical Notes. First pages]. Andronov I.E. *Dzhuzeppе Madzini: molodye gody* [Giuseppe Mazzini: Early life]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2009, pp. 336–348. (In Russian).
11. Mazzini G. Otkrytoe pis'mo korolyu Karlu Al'bertu [An open letter to King Charles Albert]. Andronov I.E. *Dzhuzeppе Madzini: molodye gody* [Giuseppe Mazzini: Early life]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2009, pp. 324–335. (In Russian).
12. Mazzini G. «Faust», tragediya Gete [Faust, Goethe's tragedy]. Mazzini G. *Ehstetika i kritika. Izbrannye stat'i* [Aesthetics and criticism. Selected articles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, pp. 77–94. (In Russian).
13. Mazzini G. O evropeiskoi literature [Of a European literature]. Mazzini G. *Ehstetika i kritika. Izbrannye stat'i* [Aesthetics and criticism. Selected articles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, pp. 95–128. (In Russian).
14. Mazzini G. O lyubvi Dante k Otechestvu [On Dante's Patriotic Love]. Mazzini G. *Ehstetika i kritika. Izbrannye stat'i* [Aesthetics and criticism. Selected articles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, pp. 45–58. (In Russian).
15. Mazzini G. *Ehstetika i kritika. Izbrannye stat'i* [Aesthetics and criticism. Selected articles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 479 p. (In Russian).
16. Ricœur P. Germenevtika i metod sotsial'nykh nauk [Hermeneutics and Method of Social Sciences]. *Pol' Riker v Moskve* [Paul Ricœur in Moscow]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, pp. 49–61. (In Russian).
17. Rossiya Yu.G. O teorii interpretatsii Eh. Betti [On E. Betti's theory of interpretation]. *Istoriya filosofii = History of Philosophy*, 2012, no. 17, pp. 83–89.

18. Cherepennikova M.S. Gete i ital'yanskaya literatura XIX veka. Fenomen «obratnoi svyazi» [Goethe and the Italian Literature of the 19th century: the “feedback” phenomenon]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo* = *Vestnik of Gor'ky Literary Institute*, 2006, no. 1, pp. 84–96.
19. Birus H. Goethes Idee der Weltliteratur: Eine historische Vergegenwärtigung. Birus H. *Gesammelte Schriften*. Band 3: *Goethe-Studien*. Göttingen, Wallstein Verlag, 2022, S. 9–33.
20. Introduzione. Mazzini G. *Scritti editi ed inediti*. Vol. 2. Imola, Cooperativa tipografico-editrice Paolo Galeati, 1907, pp. VII–XVIII.
21. Mack Smith D. *Mazzini*. New Haven, London, Yale University Press, 1994. 302 p.
22. Mazzini G. A Carlo Alberto di Savoia, Un Italiano. Mazzini G. *Scritti editi ed inediti*. Vol. 2. Imola, Cooperativa tipografico-editrice Paolo Galeati, 1907, pp. 15–41.
23. Mazzini G. D'una Letteratura Europea. Mazzini G. *Scritti editi ed inediti*. Vol. 1. Imola, Cooperativa tipografico-editrice Paolo Galeati, 1906, pp. 177–222.
24. Mazzini G. Note autobiografiche. Mazzini G. *Scritti editi ed inediti*. Vol. 77. Imola, Cooperativa tipografico-editrice Paolo Galeati, 1938, pp. 3–397.
25. Mazzini J. *Life and Writings of Joseph Mazzini*. In 6 vols. Vol. 1: *Autobiographical and Political*. London, Smith, Elder, & Co., 1890. 378 p.
26. Mazzini J. Of an European Literature. Mazzini J. *Life and Writings of Joseph Mazzini*. In 6 vol. Vol. 2: *Critical and Literary*. London, Smith, Elder, & Co., 1905, pp. 4–48.
27. Moravia S. Vichismo e ideologie nella filosofia italiana dell'età napoleonica. Moravia S. *Filosofia e scienze umane nell'età dei lumi*. Firenze, Sansoni, 1982, pp. 307–354.
28. Sarti R. Giuseppe Mazzini and His Opponents. *The Short Oxford History of Italy. Italy in the Nineteenth Century: 1796–1900*. Ed. by J.A. Davis. New York, Oxford University Press, 2000, pp. 74–107.
29. Sisto M. Italiani a Parigi tra radicalismo politico e Weltliteratur. Per una storia della prima traduzione italiana del Faust. «*La densità meravigliosa del sapere*»: *Cultura tedesca in Italia fra Settecento e Novecento*. A cura di M. Pirro. Milano, Ledizioni, 2018, pp. 99–122.
30. Suède. Littérature. *Le Globe*, 1827, vol. 5, no. 91, pp. 481–483.
31. Uno. *Treccani. Vocabolario on line*. Available at: <https://www.treccani.it/vocabolario/uno/> (accessed 27.10.2025).

Статья поступила в редакцию 01.11.2025.

Статья прошла рецензирование 17.12.2025.

The article was received on 01.11.2025.

The article was reviewed on 17.12.2025.